

АЙМЕ КЯХРИК (Таллин)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНОГО И РЕФЛЕКСИВНОГО СПРЯЖЕНИЙ В ЮЖНОВЕПССКОМ ДИАЛЕКТЕ *

0. Формы возвратных глаголов вепского языка, которые по морфологической структуре своей никак не могут быть рефлексивными производными, но все же маркированы иначе, чем соответствующие словоизменительные формы невозвратных глаголов, в описании глагольного словоизменения диалектов вепского языка интерпретировались не совсем одинаково. Например, для того чтобы описать одновременно все словоизменительные формы глагола прионежского диалекта, включая формы «возвратного, или рефлексивного, или объектного спряжения», Т.-Р. Вийтсо счел целесообразным расширить объем категории залога прибалтийско-финских языков, включив в число ее членов возвратный залог. Он выявил для глагола северноевепского диалекта следующие структурные элементы: а) показатель возвратного залога и б) суффиксы грамматического лица, встречающиеся только в формах возвратного залога (Viitso 1968 : 150, 151, 159). Однако в обстоятельной грамматике вепского языка, точнее — говора Шимозера средневепского диалекта, М. Зайцева утверждает, что категория залога в вепском языке отсутствует. Интересующие нас формы зафиксированы ею как рефлексивные формы глагола (1981 : 275 и сл.).

Некоторые авторы считали, что если в грамматической системе языка или диалекта встречаются двоякие личные окончания, то именно это и служит основой для выявления рефлексивного спряжения. Так, только на основе существования рефлексивных личных суффиксов в вепском языке А. Лаанестом зафиксировано наличие рефлексивного спряжения в этом языке (Laanest 1982 : 232).

При описании глагольной словоизменительной системы южновепского диалекта критерием различения основного и рефлексивного спряжений я сочла не наличие двух рядов личных окончаний, но то обстоятельство, что каждый комплекс грамматических значений в зависимости от возвратности или невозвратности глагола можно выразить на фонетическом уровне с помощью двух разных морфологических формативов (под морфологическим формативом здесь понимается часть словоформы, следующая за словоизменительной основой как основного, так и вспомогательного и основного глаголов одновременно).

Сравнение структуры словоизменительных форм основного и рефлексивного спряжений (ОС и РС) южновепского диалекта проводится на двух уровнях: во-первых, на уровне т. н. стандартизированной парадигмы, т. е. учитывая лишь черты, характерные для словоизменитель-

* Текст доклада, прочитанного на XVII Всесоюзной конференции финно-угроведов (Ижевск 1987 г.).

ной формы любого глагола; во-вторых, на уровне индивидуальных парадигм, т. е. учитывая и те черты, которые встречаются в словоизменительных формах ограниченного количества глаголов или даже в спряжении только одного глагола.

1. В таблице в виде комплексов грамматических значений, с одной стороны, и формативов, с другой, представлены все те глагольные словоизменительные формы южновепского диалекта, фонетическая реализация форм обоих спряжений которых к настоящему моменту имеется в нашем распоряжении.

Формативы ОС и РС южновепского диалекта

Комплекс грамматических значений	Форматив	
	утвердительная форма	отрицательная форма
пр. инд. 1 ед.	n/me	en&Ø/te
пр. инд. 2 ед.	d/te	ed&Ø/te
пр. инд. 3 ед.	b/se	ī&Ø/te
пр. инд. 1 мн.	mā/mō	emā&Ø/te
пр. инд. 2 мн.	tā/tō	etā&Ø/te
пр. инд. 3 мн.	bad/sō	ebad&Ø/te
имп. инд. 1 ед.	in/ime	en&nd/nūze
имп. инд. 2 ед.	id/ite	ed&nd/nūze
имп. инд. 3 ед.	i/ihe	ī&nd/nūze
имп. инд. 1 мн.	imā/imō	ema&nd/nūze
имп. инд. 2 мн.	itā/itō	eta&nd/nūze
имп. инд. 3 мн.	ibad/ihō	ebad&nd/nūze
прет. инд. 1 ед.		en&ške/škete
прет. инд. 3 ед.	škēzī/skēzīhe	
прет. инд. 1 мн.		emā&ške/škete
прет. инд. 3 мн.		ebad&ške/škete
пр. конд. 1 ед.	ižīn/ižīme	en&ižī/ižīhe
пр. конд. 2 ед.	ižīd/ižīte	ed&ižī/ižīhe
пр. конд. 3 ед.	iži/ižīhe	ī&ižī/ižīhe
пр. конд. 1 мн.		emā&ižī/ižīhe
пр. конд. 2 мн.		etā&ižī/ižīhe
пр. конд. 3 мн.		ebad&ižī/ižīhe
перф. конд. 1 ед.	nuižin/nuižīme	en&nuižī/nuižīhe
перф. конд. 2 ед.	nuižīd/nuižīte	ed&nuižī/nuižīhe
перф. конд. 3 ед.	nuiži/nuižīhe	ī&nuižī/nuižīhe
перф. конд. 1 мн.		emā&nuižī/nuižīhe
перф. конд. 2 мн.		etā&nuižī/nuižīhe
перф. конд. 3 мн.		ebad&nuižī/nuižīhe
импер. 2 ед.	Ø/te	ala&Ø/te
импер. 1 мн.	kamā/kāzemā	āgam&kamā/kāzemā
импер. 2 мн.	katā/kāzetā	āgat&katā/kāzetā
пквп. инд. 3 ед.	olī&nd/nūze	
пквп. инд. 1 мн.	olīmā&/nhed/nūze	
пквп. инд. 3 мн.	olībad&/nhed/nūze	
инф.	ta/tāze	ī&ta/tāze
суп. илл.	mha/māze	ī&mha/māze
парт. акт.	nd ~ nu/nūze	

Обозначения: / разделяет формативы ОС и РС; & разделяет компоненты — слова сложной словоформы; Ø — отсутствие суффикса; форматив полужирным шрифтом присоединяется к согласной основе; форматив в курсиве присоединяется либо к согласной либо к гласной основе в за-

висимости от типа спряжения, остальные формативы присоединяются к гласной основе.

Основа вспомогательного глагола (глагола отрицания *e-* / *al-* / *ala*, глагола бытия *ole-*) в принципе в состав форматива не входит. В таблице она указана лишь в интересах лучшего восприятия.

1.1. В формативах синтетических форм элементом, различающим два спряжения, суффикс грамматического лица служит лишь в ограниченных случаях. Личные суффиксы РС не употребляются в формах повелительного наклонения, а точнее — в тех формах императива, которые в прибалтийско-финских языках вообще мыслимы с личным окончанием. В южновепском диалекте из них употребляются лишь формы 1 и 2 л. мн. ч. Интересно поэтому сопоставить, например, следующие фрагменты парадигм глаголов *ištta* 'сидеть' и *ištāze* 'сесть':

	пр. инд. ОС	импер. ОС	пр. инд. РС	имп. РС
1 л. мн.	<i>ištu-mā</i>	<i>išt-ka-mā</i>	<i>ištu-mō</i>	<i>išt-kā-ze-mā</i>
2 л. мн.	<i>ištu-tā</i>	<i>išt-ka-tā</i>	<i>ištu-tō</i>	<i>išt-kā-ze-tā</i>

Следовательно, в структуру форм императива РС входит тот же элемент грамматического лица, который встречается в формативах ОС. Подобный, так сказать, запрет на использование возвратного суффикса грамматического лица действует и в отношении отрицательного глагола, а также вспомогательного глагола 'быть': во всех южновепских отрицательных формах и в сложных временных формах (насколько последние вообще в южновепском диалекте употребляются) элементом, различающим формы ОС и РС, является какой-то иной суффикс. Таким образом, в аналитических формах возвратное оформление обязательно имеет основной глагол, а не вспомогательный:

	пр. инд.	имп. инд.	пр. конд.	пквп. инд.
ОС	<i>e-n peze</i>	<i>e-n peze-nd</i>	<i>e-n peziži</i>	<i>olī-mā peze-nd</i>
РС	<i>e-n peste</i>	<i>e-n pez-nū-ze</i>	<i>e-n peziž-he</i>	<i>olī-mā pez-nū-ze</i>

1.2. Как свидетельствуют примеры, для отделения аналитических форм РС от таковых ОС употребляется несколько суффиксов: *te*, *ze*, *he*, причем *te* пока еще не служил объектом специального внимания лингвистов. Существовало, очевидно, мнение, что нет оснований различать, например, *te* в форме 1 л. ед. ч. презенса индикатива *lanġkten* (от глагола ОС *lanġeta*) и *te* в форме 2 л. ед. ч. императива *ištte* (от глагола РС *ištāze*) (см. напр. Laanest 1982 : 280). В аспекте отдельной формы здесь, действительно, разница отсутствует. Однако при описании словоизменительной системы, т. е. если иметь в виду весь контекст РС, возникает все-таки вопрос немалой важности: как толковать структуру формы 2 л. ед. ч. императива РС, с одной стороны, и структуру компонента отрицательных форм презенса индикатива РС — основного глагола, с другой? К какому компоненту относится *te* — к основе или же он является формативом либо частью сложного форматива?

Сопоставим соответствующие формы глагола ОС *lanġeta* 'падать' и глагола РС *peštāze* 'мыться':

импер. 2 ед.	<i>lanġkte</i>	<i>pešte</i>
пр. инд. 1 ед.	<i>en lanġkte</i>	<i>en pešte</i>

В первом случае налицо т. н. чистая гласная основа: по схеме ОС комплекс грамматических значений 2 л. ед. ч. императива на фонетическом уровне реализации выражен отсутствием форматива. То же касается оформления другого комплекса грамматических значений —

отрицательное 1 л. ед. ч. презенса индикатива: маркировано лишь грамматическое лицо и это — во вспомогательном глаголе, а не в основном. Суффикс *te* здесь бесспорно представляет собой часть словоизменительной основы, т. е. является словообразовательным суффиксом и встречается в каждой форме парадигмы на одном и том же месте — рядом с основой или корнем.

Во втором же случае подобное толкование не приемлемо, поскольку в остальных формах глагола *pestāze* суффикс *te* или вообще отсутствует, или же не следует непосредственно после основы.

Производных с *te*, которые спрягаются по модели ОС, в южно-вепском диалекте зарегистрировано лишь пять: *sel'gita*, *langeta*, *kūf-keta*, *haugeta*, *lāmbita* (см. Кяхрик 1980 : 81).

Заслуживают внимания следующие факты: а) в иных вепских диалектах производные с *te* вообще не известны (основой для такого утверждения служит отсутствие упоминания в монографии о глагольном словообразовании в вепском языке (Зайцева 1978)); б) во всех личных отрицательных формах презенса индикатива РС *te* встречается в основном глаголе сложных форм также именно в южновепском диалекте и не встречается в северно- и средневепском диалектах (ср. Viitso 1968; 156; Зайцева 1981 : 279 и сл., где *te* указан лишь в отрицательной форме 2 л. ед. ч.).

1.3. Что касается особенностей комбинирования формативных компонентов РС, с одной стороны, и явлений, сопутствующих присоединению форматива к словоизменительной основе, с другой, то и здесь есть заслуживающие упоминания отличия от системы ОС.

1.3.1. В аналитических формах элемент, который отличает словоизменительную форму РС от таковой ОС, как правило, расположен в конце форматива, например, *en peznuīžhe*, *olīn sobinūze*. Исключение составляют формы множественного числа императива, так как суффикс *ze* находится между суффиксом склонения и суффиксом грамматического лица. Такая структура обязательна как для утвердительной, так и для отрицательной формы РС, например, *peskāzemā* ~ *peskāzem* и *āgam peskāzem*. В формативах ОС такого рода отклонений нет, суффиксы разных категорий в составе форматива связаны с определенным местом.

1.3.2. Факультативно можно изменить место суффикса *te* в отрицательных формах претерита, однако в таком случае мы имеем дело не со сменой местонахождения суффикса, а с вторжением *te* в звуковой состав суффикса *ške*. Именно так, на мой взгляд, объяснимы варианты форматива *šketete* — *šketek* и *šetek*. Основой для подобного толкования послужил тот факт, что в формах отрицательного претерита ОС суффикс по идиолектам тоже варьирует, например, *en mānišek* ~ *en māniške* ~ *en māniškek*, и согласно имеющимся данным, это варьирование отражается также в формах РС, причем существует некое соответствие в употреблении этих форм: в одном идиолекте *en māniške* и *en peziškete*, в другом *en māniškek* ~ *mānišek* и *en pezišketek* ~ *pezišetek*. (Однако это правило не абсолютно). Заслуживает внимания тот факт, что полная смена мест между *ške* и *te* невозможна: уже отмечено, что *te* в парадигме РС обязательно должен быть отдален от словоизменительной основы.

1.3.3. В южновепских формах ОС прибалтийско-финский суффикс причастия *nut имеет вид *nd*, причем в формах (перфекта и) плюсквамперфекта различается и число: в личных формах единственного числа — *nd*, множественного числа — *nhed*. Так как в формах РС единственно возможен *nu*, то отсюда вытекают следующие формальные отличия РС от ОС: 1) отрицательные формы имперфекта и сложные

временные формы от двусловных глаголов имеют в РС лишь согласную основу: *en otnūze* — ср. ОС *en ota-nd* ~ *en ot-nu*; 2) в сложных формах в части форматива, присоединяемого к основе основного глагола, оппозиция по числу отсутствует: ср., например, ОС *olīñ mänenēd* и *olīmā mänenhed* — РС *olīñ peznūze* и *olīmā peznūze*.

2. В южновепских идиолектах встречаются явления, которые ничуть не изменяют картину, получаемую при анализе т. н. стандартных структурных особенностей, и это как в рамках РС, так и в рамках ОС. Однако для характеристики РС и такие явления существенны.

2.1. Хотя в южновепском диалекте существует полный инвентарь суффиксов для отличения словоизменительной формы РС от таковой ОС, все же возможно нестабильное употребление этого инвентаря. Приведем соответствующие языковые факты.

2.1.1. Зарегистрированы случаи, когда информант при одном и том же лексическом и грамматическом значениях употребляет как форму РС, так и форму ОС: ср., например, употребление глагола 'тянуться' в предложениях *ala kiskotōde stolan taga* 'не тянись за столом' и *minak šā kiskoteled!* 'что ты тянешься!', или же употребление глагола 'сниматься' в предложении *kerdāžen tolko snimiškēzīñ* ~ *snimiškēzīme* 'только раз я сфотографировался'.

2.1.2. В ряде идиолектов 3-е лицо как единственного, так и множественного числа выражает или суффикс *se* (*he*), или же суффикс *sō* (*hō*). В системе ОС такое элиминирование числа относительно 3-го лица исключено, но в системе РС по какой-то причине возможно. Явно то, что это ни в коем случае не объяснимо восприятием *se* (*he*) и *sō* (*hō*) как свободных вариантов: информант употребляет только один из них.

2.2. Среди глагольных словоизменительных форм ОС в южновепском диалекте известны некоторые типичные короче нормальной формы. Это, в первую очередь, укороченные в синтаксическом контексте основы, например, *mā māñ* < *māneñ* 'иду', *mā sān* < *sanun* 'говорю' и т. п. Сюда относится и укорочение формы 3 л. ед. ч. имперфекта индикатива инхоативов на *-gande*, например, *mālegañ* вместо *māleganzī* или *māleganz* 'он заплакал'. Но в РС ни одна словоизменительная форма не может быть короче нормальной.

3. Из вышеизложенного вытекают следующие выводы. 1. Для выявления РС употребление в южновепском диалекте особых суффиксов грамматического лица примарным быть не может. 2. Целесообразно признать *te* суффиксом, выполняющим двойную функцию. Таковыми, очевидно, являются и *ze* и *he* в составе формативов РС. Не выражая в отдельности грамматического значения, *te* при фонетической реализации комплекса грамматических значений все же относится к формативу, выражающему этот комплекс значений, а не к выражающей лексическое значение основе (ср. *te* в указанных пяти глаголах, а также иные возвратные словообразовательные суффиксы, напр. *u*). Вполне вероятно, что часть словоизменительных форм РС в южновепском диалекте вошла в употребление именно такими, близкими к производному, но никак не производными. И поэтому во вспомогательном компоненте сложных форм — в глаголе отрицания и в глаголе бытия мог сохраниться суффикс грамматического лица ОС. Вопрос о том, почему именно аналитические формы ближе к производным, пока остается без ответа.

Представленная здесь информация — это прежде всего дополнение к уже имеющейся, т. е. новые замечания о формальных особенностях РС в одном из прибалтийско-финских диалектов. Вероятно, удалось под-

черкнуть и то, что значение языкового факта в более широком контексте может измениться. По-моему, вепское РС представляет собой одно из интереснейших явлений в истории формирования прибалтийско-финских словоизменительных форм, проблемы которого заслуживают гораздо большего внимания, чем до сих пор уделялось.

Сокращения

Акт. — актив, **имп.** — имперфект, **илл.** — иллатив, **импер.** — императив, **инд.** — индикатив, **инф.** — инфинитив, **конд.** — кондиционалис, **перф.** — перфект, **пр.** — презенс, **прет.** — претерит, **парт.** — партицип, **пквп.** — плюсквамперфект, **суп.** — супин.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева М. И. 1978, Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке, Ленинград.
— 1981, Грамматика вепского языка (Фонетика и морфология), Ленинград.
Кяхрик А. 1980, Модель глагольного словоизменения в южновепском диалекте, Таллин.
Laanest, A. 1982, Einführung in die ostseefinnischen Sprachen, Hamburg.
Viits, T.-R. 1968, Aänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus. — Keele modelleerimise probleeme 2, Tartu (TRUT 218), 3—296.

AIME KÄHRİK (Tallinn)

STRUKTURELLE BESONDERHEITEN DER GRUND- UND REFLEXIVEN KONJUGATION DES SÜDWEPSISCHEN

Als Vergleichsergebnis der Formative der beiden Konjugationen im südwepischen Dialekt wird im Artikel die Aufmerksamkeit auf folgende Umstände gelenkt: a) bei der lautlichen Realisierung der Flexionsformen der reflexiven Konjugation gebraucht man die reflexiven Personalsuffixe nur im Paradigma des Indikativs, Imperfekts, Präteritums und Konditionals, aber nur dann, wenn es sich um einfache Formen handelt; b) in den Formen des Imperativs und in allen zusammengesetzten Formen treten in der reflexiven Konjugation als differenzierendes Element zur Grundkonjugation die Suffixe *te*, *ze*, *he* auf, die nicht unmittelbar neben dem Flexionsstamm stehen dürfen; c) neben dem Flexionsstamm kann das Suffix nur dann erscheinen, wenn zum Bestand des Formativs keine anderen Suffixe gehören; d) in der Form der 2. Pers. Sing. des Imperativs und in den Negationsformen des Präsens Indikativ — d.h. in den Fällen, wo das differenzierende Suffix neben dem Stamm stehen kann, ist das differenzierende Suffix *te*, das im Südwepischen auch unter den Ableitungssuffixen seinen Platz hat.

Die Autorin schlußfolgert, daß die Möglichkeit zur Behandlung der reflexiven Konjugation des Südwepischen als Erscheinung auf der Grenze zwischen Derivation und Flexion nicht ausgeschlossen ist.